

РУССКОЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартечевымъ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

(1875).

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЕ ГРАЧЕВА И Б., У ПРЯЧИТЕЛЬСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

АРЕСТЪ ГРИБОЪДОВА.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НИКОЛАЯ ВИКТОРОВИЧА ШИМАНОВСКАГО.

Въ 1825 году, въ Ноябрьѣ, мы возвратились изъ похода въ горы. Отрядъ былъ расквартированъ по казачьимъ станицамъ, какъ для отдыха, такъ и для того, чтобы исправить аммуницію, слишкомъ пострадавшую отъ довольно продолжительнаго движенія въ горахъ. Главная квартира учреждена была Гребенскаго полка въ станицѣ Червленной.

Вскорѣ отправились мы въ станицу Екатериноградскую. Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, назначилъ тутъ свиданіе съ начальникомъ своего штаба генералъ-маіоромъ Алексѣемъ Александровичемъ Вельяминовымъ, начальникомъ въ Имеретіи княземъ Петромъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ и нашимъ посланникомъ въ Персіи статскимъ совѣтникомъ Семеномъ Ивановичемъ Мазаровичемъ, жившимъ тогда уже въ Тифлисѣ, по натянутымъ отношеніямъ съ Персіянами. Тутъ нашли мы Грибоѣдова, возвращавшагося изъ продолжительнаго отпуска и по пути изъ Петербурга обратно на Кавказъ побывавшаго въ Крыму.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ изъ Таганрога фельдъегерь Якунинъ съ горестнымъ извѣстіемъ о кончинѣ императора Александра, и за симъ полученъ указъ о присягѣ императору Константину Павловичу. Въ тотъ же день, въ станичной церкви, мы принесли присягу; на площади были приведены къ присягѣ казаки станицы и рота Кабардинскаго полка, расположенная въ станицѣ. Въ тотъ же день отправлены были два курьера: одинъ въ Тифлисъ, другой въ станицу Червленную, для приведенія войскъ къ присягѣ.

Мы собирались всякій день къ обѣду у Алексѣя Александровича Вельяминова (прекраснѣйшаго изъ смертныхъ). Послѣ гастрономическаго обѣда Грибоѣдовъ читалъ намъ по нѣскольку явлений изъ только что конченнаго Горя отъ ума, которое и послужило ему впоследствии къ оправданію по дѣлу декабристовъ. Конецъ вечера проводили мы за вистомъ.

Наканунѣ отъѣзда нашего изъ Екатериноградской станицы, когда были кончены всѣ дѣла съ начальствующими лицами, вызванными туда Алексѣемъ Петровичемъ, Грибоѣдовъ долженъ былъ ѣхать въ Тифлисъ, но убѣдительно просилъ Алексѣя Петровича взять его въ назначенный тогда походъ. Алексѣй Петровичъ отговаривалъ его, но наконецъ какъ-то неохотно согласился.

На другой день мы уѣхали въ Червленную, гдѣ Грибоѣдовъ, за неимѣніемъ квартиры, помѣстился у меня. При немъ былъ молодой мальчикъ за камердинера, Алексаша. Этому Алексашѣ при-

шло черезъ нѣсколько дней играть важную роль, вмѣстѣ съ моимъ человѣкомъ Матвѣемъ Алексѣевымъ, въ крѣпости Грозной.

Утромъ 25 Декабря, всѣ чиновники и офицеры, находившіеся при главной квартирѣ, собрались, чтобы поздравить Алексѣя Петровича съ праздникомъ. Домикъ офицерскій, занимаемый Алексѣемъ Петровичемъ, былъ на площади, на углу улицы, ведущей къ станицѣ Науръ, то есть къ дорогѣ изъ Россіи. Утро было прекрасное, довольно теплое. Кто сидѣлъ на завалинкѣ домика, кто прохаживался по близости. Толкуя о предстоящемъ походѣ въ Чечню, мы увидали, что шибко скачетъ кто-то на тройкѣ прямо къ квартирѣ генерала. Это былъ фельдъегерь Дамишъ. Тотчасъ позвали его къ генералу; онъ подалъ ему довольно толстый конвертъ, въ которомъ были: манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая и всѣ приложенія, которыя хранились въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ. Алексѣй Петровичъ поздравилъ насъ съ новымъ государемъ и тутъ же приказалъ дежурному по отряду сдѣлать нужныя распоряженія относительно присяги. Немедля нимало, былъ отправленъ курьеръ въ Тиолисъ къ начальнику штаба, и какъ мы расположены были по раскольничьимъ станицамъ, то пришлось посылать за священникомъ въ г. Кизляръ (слишкомъ 200 верстъ отъ станицы Червленной), котораго и привезли только на третій день; тогда мы всѣ, и 1-й баталіонъ Ширванскаго полка, и казаки станицы, присягнули. Эта медленность была поставлена потомъ въ вину Алексѣю Петровичу, между тѣмъ какъ вины тутъ никакой не было.

Когда Алексѣй Петровичъ окончилъ распоряженія, фельдъегерь Дамишъ сталъ рассказывать о событіи 14 Декабря. Въ это время Грибоѣдовъ, то сжимая кулаки, то разводя руками, сказалъ съ улыбкою: „Вотъ теперь въ Петербургѣ идетъ кутерьма! Чѣмъ-то кончится!“

Еще было поставлено въ вину Алексѣю Петровичу, отъ чего онъ донесъ о присягѣ съ тѣмъ же фельдъегеремъ, а не послалъ когонибудь изъ адъютантовъ или изъ офицеровъ. Это конечно было бы приличнѣе. Не знаю, почему это случилось. Говорили, что будетъ посланъ поручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба Сергѣй Ермоловъ, двоюродный братъ генерала; но вышло не такъ.

На 28 Декабря велѣно было отряду собираться въ станицу Червленную. Алексѣй Петровичъ назначилъ свой отъѣздъ этого же числа и приказалъ за собой слѣдовать генеральнаго штаба подполковнику Жихареву. Тутъ Грибоѣдовъ сталъ просить убѣдительно, чтобы и ему слѣдовать съ генераломъ. Алексѣй Петровичъ согласился, и на другое утро Грибоѣдовъ выступилъ съ первымъ баталіономъ Ширванскаго полка, съ 2-мя сотнями казаковъ, при 2 конныхъ казачьихъ орудіяхъ. Тогда время было опасное: хотя до крѣпости Грозной только 40 верстъ, но иначе идти было нельзя, такъ какъ вся Чечня находилась въ волненіи. Бей-Булатъ, первый имамъ, проповѣдывалъ казавать, т. е. войну противъ невѣрныхъ.

Штабъ отряда и тяжести должны были выступить на другой день. Такъ и исполнили, согласно приказанію. Хотя перевозочныя

средства могли быть усилены, но Алексѣй Петровичъ жалѣлъ нашихъ Нагайцевъ, поставлявшихъ провіантъ, отчего и вышло, что намъ дали съ Грибоѣдовымъ одну арбу, на которую сложили наши вещи. Люди наши слѣдовали на вьючныхъ лошадяхъ.

Станица Червленная расположена близъ Терека, но переправа устроена выше станицы, въ четырехъ или пяти верстахъ, гдѣ мы и переправились на правый берегъ. Въ 10 верстахъ отъ переправы, за небольшимъ переваломъ, находился Чеченскій аулъ, при горячемъ сѣрномъ источникѣ, и противъ аула построено укрѣпленіе, названное Горячеводскомъ. Въ укрѣпленіи этомъ расположена была рота 43 Егерскаго полка подъ командою капитана графа Бельфорта *), который, хотя родомъ Французъ, но кромѣ Русскаго языка не зналъ никакого, получивъ воспитаніе во второмъ кадетскомъ корпусѣ.

Все что мнѣ удалось читать печатнаго объ арестѣ Грибоѣдова, все совершенно не такъ. Видно, что это пересказанныя рѣчи. Я буду говорить, какъ очевидный свидѣтель и ручаюсь за сказанное.

Рано утромъ мы выступили изъ Червленной и часу въ одиннадцатомъ подошли къ Горячеводскому укрѣпленію, гдѣ назначенъ былъ привалъ съ тѣмъ, чтобы стянуть обозъ съ тяжестими, который по случаю переправы очень растянулся.

Гостепріимный хозяинъ графъ Бельфортъ, ожидая насъ, приготовилъ цѣлаго барана, жарившагося на шашлыкѣ. Мы выпили водки или покавказски спирту (когда его разводять!) и приняли за гомерическій завтракъ на открытомъ воздухѣ. День былъ солнечный и довольно теплый. Исправлявшій должность дежурнаго штабъ-офицера, гвардіи капитанъ Талызинъ первый увидалъ, на перевалѣ отъ Терека, тройку въ саняхъ, окруженную 20 или 30 казаками и первый сказалъ: „Господа, вѣдь это долженъ быть фельдъегерь!“ Такъ и вышло. Черезъ полчаса подскакали сани, изъ которыхъ выскочилъ фельдъегерь, съ одной сумкой на груди. Онъ назвалъ себя Уклонскимъ **). Мы познакомились и предложили ему водки. Онъ выпилъ нашего спирту и принялся съ нами за шашлыкъ. Талызинъ, какъ ловкій человекъ, предложилъ другую чарочку. Тотъ отказался. Успѣли принести отъ маркитанта шампанскаго; фельдъегерь тоже отказался, сказавъ, что, не пьетъ виноградныхъ винъ. Хотѣли угостить чѣмъ бы нибудь еще, но онъ ото всего отказывался. Лошадь верховая ему была готова.

Ударили подъемъ, и мы пошли въ крѣпость Грозную. Погода сдѣлалась сумрачная, да и на душѣ было невесело: давило какое-то предчувствіе.

Подойдя къ Шульцову кургану (а теперь называется Ермоловскимъ; это, кажется, въ 4-хъ или 3-хъ верстахъ отъ крѣпости), мы согласились поѣхать впередъ отряда. Талызинъ, Сергѣй Ермоловъ и я, пригласивши съ собой фельдъегеря, пустились на

*) Былъ комендантомъ въ Моздокъ и умеръ въ чинѣ полковника.

***) Былъ впоследствии почтмейстеромъ въ Гатчинѣ.

рысяхъ и прямо къ дому коменданта крѣпости Грозной. Алексѣй Петровичъ сидѣлъ за большимъ столомъ и, какъ теперь помню, раскладывалъ пасьянсъ. Съ боку возлѣ него сидѣлъ съ трубкою Грибоѣдовъ. Когда мы доложили, что прибыли и привезли фельдъегеря, генераль немедленно приказалъ позвать его къ себѣ. Уклонскій вынулъ изъ сумки одинъ тонкій конвертъ отъ начальника главнаго штаба Дибича. Генераль разорвалъ конвертъ; бумага заключала въ себѣ нѣсколько строкъ, но когда онъ читалъ, Талызинъ прошелъ сзади креселъ и поймалъ на глазъ фамилію Грибоѣдова. Алексѣй Петровичъ, пробѣжавши быстро бумагу, положилъ въ боковой карманъ сюртука и застегнулся. Потомъ онъ началъ спрашивать Уклонскаго о событіяхъ въ Петербургѣ. Очень толково и послѣдовательно рассказывалъ Уклонскій. Я не обратилъ вниманія на Грибоѣдова; но Талызинъ мнѣ послѣ сказывалъ, что онъ сдѣлался блѣденъ какъ полотно. Такъ какъ это было зимой, то мы были въ черкесахъ и полушубкахъ. Я вышелъ, чтобы узнать, гдѣ наша квартира, которая была отведена на насъ четверыхъ почти что рядомъ, въ офицерскомъ флигелѣ: мнѣ, подполковнику Жихареву, Сергѣю Ермолову и Грибоѣдову. Это была квартира капитана Козловскаго (послѣ дослужившагося до чина полнаго генерала, Викентія Михайловича, бывшаго предсѣдателемъ Кавказскихъ вечеровъ въ Петербургѣ).

Въ сѣняхъ встрѣтилъ я Талызина, который отдавалъ приказаніе одному изъ ординарцевъ генерала, уряднику Кавказскаго казачьяго полка Разсвѣтаеву, чтобы онъ скакалъ въ обозъ, отыскалъ арбу Грибоѣдова и Шимановскаго и чтобы гналъ въ крѣпость. Я спросилъ его пофранцузски: на что это? Талызинъ отвѣчалъ: „Послѣ скажу!“

Когда я возвратился къ А. П. Ермолову, снявши свой полушубокъ, то Грибоѣдова не было въ комнатѣ. Онъ выходилъ куда-то, но скоро возвратился, былъ повидимому покоенъ и слушалъ рассказы Уклонскаго, который назвалъ много арестованныхъ. Приказано было подавать ужинъ, къ которому генераль велѣлъ пригласить прибывшаго передъ тѣмъ дежурнаго по отряду артиллеріи полковника Мищенка, пріѣхавшаго съ донесеніемъ, что голова колонны прибыла и расположена бивуакомъ около крѣпости, а равно и фельдъегеря Уклонскаго. Походный ужинъ не затѣлилъ: два блюда; стало быть онъ недолго продолжался, но рассказы Уклонскаго заставили просидѣть за столомъ лишнее время, а можетъ быть и нужно было продлить ужинъ для другихъ цѣлей. Генераль послѣ ужина сиживалъ за столомъ всегда подолгу; тутъ бывали разные шутки, рассказы и анекдоты; но на сей разъ ничего подобнаго не было, и когда мы встали, и люди убрали посуду, то генераль, обратившись ко всѣмъ, сказалъ: „Господа, вы съ походу вѣроятно спать хотите, то покойной ночи!“ Всѣ стали расходиться.

Подъ квартиру намъ отведена была одна большая комната, но безъ всякой мебели; намъ постлано было на полу и чтобы удер-

жать подушки, наши переметные чемоданы были приставлены къ головамъ. Такъ было и у постели Грибоѣдова.

Мы съ Жихаревымъ раздѣлись и легли. Сергѣй Ермоловъ раздѣвался, но по обыкновенію спорилъ съ Грибоѣдовымъ и защищалъ Москву, которую Грибоѣдовъ, какъ и всегда, клеймилъ своими сарказмами. Грибоѣдовъ не раздѣвался. Вдругъ отворяются двери, и является дежурный по отряду полковникъ Мищенко, но уже въ сертукѣ и шарфѣ, точно такъ и дежурный штабъ-офицеръ Талызинъ; а за ними фельдъегерь Уклонскій. Мищенко подошелъ къ Грибоѣдову и сказалъ ему: „Александръ Сергѣевичъ, воля Государя Императора, чтобы васъ арестовать. Гдѣ ваши вещи и бумага?“ Грибоѣдовъ весьма покойно показалъ ему на переметные чемоданы, стоявшіе въ головѣ нашей постели. Потащили чемоданы на средину комнаты. Начали перебирать бѣлье и платье и наконецъ въ одномъ чемоданѣ на днѣ нашли довольно толстую тетрадь. Это было Горе отъ ума. Мищенко спросилъ, нѣтъ ли еще какихъ бумагъ. Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что больше у него бумагъ нѣтъ, и что все его имущество заключается въ этихъ чемоданахъ. Переметные чемоданы перевязали веревками и наложили печати Мищенко, Талызинъ и Уклонскій, у котораго оказалась при часахъ сердоликовая печать. Потомъ полковникъ Мищенко сказалъ Грибоѣдову, чтобы онъ пожаловалъ за нимъ. Его перевели въ другой офицерскій домикъ, гдѣ уже были поставлены часовые у cadaго окна и у двери.

Какъ мы ни устали, но провели эту ночь почти что безъ сна.

На утро мы проводили Грибоѣдова до кургана. Прощаясь, онъ повторялъ намъ: „Пожалуста не сокрушайтесь, я скоро съ вами увижусь“. Такъ и было: онъ пріѣхалъ назадъ въ Тифлисъ изъ Петербурга въ началѣ Сентября этого же года.

Тутъ нужно возвратиться къ арбѣ съ нашими вещами. Урядникъ Разсвѣтаевъ ловко исполнилъ возложенное на него порученіе. Онъ отыскалъ арбу, вывелъ ее изъ колонны и заставилъ быковъ скакать, такъ что очень скоро прибыли наши люди къ назначенному намъ флигелю. Тутъ встрѣтило нашихъ людей приказаніе елико возможно скорѣе сжечь всѣ бумаги Грибоѣдова, оставивъ лишь толстую тетрадь—Горе отъ ума. Камердинеръ его Алексаша хорошо зналъ бумаги своего господина; онъ этимъ и руководствовалъ, и не болѣе какъ въ полчаса времени все сожгли на кухнѣ Козловскаго, а чемоданы поставили на прежнее мѣсто въ арбу.

Такъ совершилось это важное для Грибоѣдова событіе, и потому-то онъ намъ на прощаньи съ такой увѣренностію говорилъ: „Я къ вамъ возвращусь“. Сего конечно не случилось бы, если бы бумаги его уцѣлѣли. Да это дѣло прошлое; но нужно бы Грибоѣдову это помнить и быть благодарнымъ. Но не такъ вышло, а совершенно противное.

Въ Сентябрѣ 1826 года я былъ командированъ по службѣ на Кавказскую линію. Въѣзжая на казачій постъ въ Коди, я встрѣтилъ Грибоѣдова, на его обратномъ пути. Изъ Москвы онъ ѣхалъ вмѣ-

ствѣ съ Денисомъ Васильевичемъ Давыдовымъ. Долго я просидѣлъ съ ними; но этотъ случай подробно разсказанъ Денисомъ Васильевичемъ въ его Запискахъ, изданныхъ въ Лейпцигѣ *). Говорено было немало, да ума-разума не стало! Старинная поговорка.

Послѣднее слово о Грибоѣдовѣ. Его товарищи не любили; у него былъ характеръ непостоянный, и самолюбіе неограниченное. Вотъ для образца одинъ случай. Когда, по пріѣздѣ въ станицу Червленную, онъ еще жилъ у меня въ хатѣ, разъ приходитъ къ намъ Сергѣй Ермоловъ и, разумѣется, разговоръ перешелъ на Москву. Ермоловъ хорошо зналъ по Москвѣ Степана Никитича Б. ва и спросилъ Грибоѣдова, какъ онъ могъ съ этимъ увальнемъ и тюфякомъ такъ подружиться? Грибоѣдовъ съ живостію отвѣчалъ: „Это потому, что Б. въ первый сталъ меня уважать“. А потомъ онъ же вывелъ этого своего друга на сцену въ Горѣ отъ ума въ лицѣ Платона Михайловича.

Изо всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ въ настоящемъ событіи я одинъ остался въ живыхъ, и что написалъ, то написалъ вѣрно.
